

ИГОРЬ НЕПОМНЯЩИЙ

НОЧНОЙ ПЕРРОН...

*Зал ожидания.
На каком вокзале?
Лев Озеров*

Брянск, 2004

I. КУСТ СИРЕНИ

*Сквозь камень, Лазарь воскрешенный,
Пробилась чахлая сирень.*

Иннокентий Анненский

***

Как ночная строка
Над обыденной жизнью дневной,
Облака, облака,
Облака все бегут надо мной,
Над покоем полей,
Над ознобом седых тополей...
Ни о чем не жалею,
Уходя – ни о чем не жалею.
Уходя – уходи:
Тесно облаку сердца в груди...
Облака – позади,
А другие еще впереди,
На рассвете сыром
Тепловозным озябшим гудкам
Отзывается гром,
Пробегающий по облакам.
Этот город незряч
После бешенства летней грозы...
Что с тобою? Не плачь
И не прячь набежавшей слезы.
Доживи до седины –
И поймешь в розовеющей мгле,
Что еще не один,
Что уже не один на земле.

***

Яну

Полнолуние, Большая Медведица...
В этом зорком июле, пожалуй,
Каждый лист по-мальчишески светится
В предвкушенье строки небывалой.
Тополиный, кленовый, каштановый...
Во дворе, на бульваре и в парке —
Что ни лето – он пишется заново
И ничуть не боится пометки.
И покажется, в дымке сиреневой
Эта жаркая ночь до рассвета
Мне читает записки Тургенева
Или воспоминания Фета...

ОСЕНЬ В ГОРОДЕ

1

Опять до ранней рани,
Расшатывая тишь,
Гудит в оконной раме,
Гремит железом крыш,
И слышу в длинной муке,
Как липам вековым
Заламывает руки
Приемом болевым...

2

В переулочках кривых
Не без ведома хозяев
Сеть веревок бельевых
Он протянет меж сараев.
Сероватый, словно дым,
Зависая над карнизом,
То прикинется седым,
То коричневато-сизым...
Вялым шевельнет листом...
Упадет на подоконник...
Время свернуто жгутом,
Как в мирах потусторонних.
Побледневшие сады,
Потускневшие аллеи
От обилия воды
В эту пору тяжелее...

3

Ветер обшаривал улицы,
Полы плащей раздувал...
Видишь, березка сутулится —
Листья метут тротуар.
Здесь, на туманной окраине,
В серый предутренний час
Нет никого неприкаянней
И. сиротливее нас.

Хоть бы цветок в палисаднике
Иль огонечек такси...
С хлоркою, в стареньком ватнике,
Осень идет по Руси.

***

Я сотворил тебя, я бросил свет во тьму...

Б.Н.

...И даже если свет
    неотделим от тьмы
И вспять реке времен
    уже не развернуться,
То и за смертный век
    с тобой сроднились мы
Так, что и в небесах
не сможем разминуться.

ДВА ВОСПОМИНАНИЯ

1

Вечерело... Певчая пчела
В августовском сумраке сновала
И овал творила из угла,
И творила угол из овала.

Облако, смотревшее на нас,
Яблоко в руке и куст сирени —
Целый мир струился в этот час
В сумеречных играх светотени.

А когда была ты в забытьи
Неостывшей ночью ветровою,
Медом пахли волосы твои
И лесною дикою травой...

2

Молниеносной вспышкой озаренный
И оглушенный вестью громовой,
Всей обеспамятевшею листвой,
Всей к небесам рванувшеюся кроной
И ко всему, встающему вверх дном,
Пока в дожде провинциальный город
И детский сон бессонницей поборот,
Тебя ревнует тополь за окном.
А в изголовье у тебя, пока
Он мечется в порывах своевольных,
Грамматика чужого языка
Трепещет в ожиданье форм глагольных.

ЗНАК СИРЕНИ

1

Ты кем-то был и до рожденья:
Летучей рыбой и звездой,
Простонародной лебедой
И синей царственной сиренью...
И обмирал в недоуменье
Пред человеческой бедой.

2

Нашей северной сирени
Фиолетовая прядь
Вплетена в стихотворенье,
Занесенное в тетрадь,
Как старинное сказанье,
Без начала и конца
Или жизнеописание
Неизвестного лица,
Чтоб с надорванной страницы
Через пару сотен лет
Продолжал к тебе струиться
Этот зыбкий полусвет...

3

Полуотцветший куст сирени,
Вверху, над ним, – подъемный кран
И мелких туч столпотворенье
С окалиною по краям.
И этот май прошел под знаком
Куста сирени, и опять
Сквозит в мерцании двояком
Обманутая благодать...

Пауза 1.

И день фиолетово-светел,
И ночь серебристо-светла...
– Сирень отцвела – ты заметил?
– Я слышу: сирень отцвела...

II. НОЧНОЙ ПЕРРОН

*А снизу стук, а сбоку гул,
Да всё бесцельней, безымянней...
И мерзок тем, кто не заснул,
Хаос полу существований.*

Иннокентий Анненский

***

М. Поздняеву

Даже если не в струю
И тебе грозит опала,
Все же линию свою
Гни во что бы то ни стало.
Крикнет ворон на дубу,
Но, ему противореча,
Поворачивай судьбу
За напрягшиеся плечи.

Точно женщина, судьба
Ночью на пустом перроне
Вытирает пот со лба
Тыльной стороной ладони.
И черты ее лица,
И уловки, и ужимки
Не изучишь до конца,
Как на давнем фотоснимке.

Будь ты гений и поэт
Или некто из массовки,
Всем равно держать ответ
И не петься о страховке,
Потому что, знаешь, дар,
Не признавший, что греховен,
Грозен, как глухой Бетховен,
Страшен, как слепой радар...

ЦВЕТЫ НОЧЬЮ

1

Опять осенний сад, тоскующий во тьме,
Пятнист и полосат и не в своем уме...

Трагический актер, играющий вину,
Он погружен в простор, как слово в тишину.

И только поздний куст отцветших георгин
Не размыкает уст без видимых причин...

2

Слабоумье астр осенних,
Поздних, срезанных в букет,
Что-то знает о мгновеньях
В пустоту опавших лет.
Знает, только нам не скажет,
Словом не определит –
Узелочков не развяжет,
Давних швов не удалит...
Но яснее в час полночный
В ненадежной темноте
Легкий лепет лепесточный
О грядущей пустоте.

Пауза 2.

Точно птица, сбитая влёт,
Рукавица, вмерзшая в лёд.

ГРОЗДЬ

1

Стану ли чайкой осеннею на́ море,
Что-то кричащей навзрыд,
Стану ли красною розой на мраморе
Серых кладбищенских плит,
Стану ли гроздью рябиновой, стану ли
Зовом седых журавлей —
Только бы в омуты Леты не канули
Контурь жизни моей...
Если бы мог я предвидеть заранее,
Что на разломе времен
Нет для небес ничего безымяннее
Призрачных наших имен...

2

Бог меня утешает не ржавым кленовым листом —
Розовеющей гроздью рябины в туманном логу,
Точно снова и снова Он хочет сказать мне о том,
Что, хотя мне и трудно, я все-таки это смогу:
Устоять, удержаться, не броситься вниз головой
В симфонически бредящий хаос тоски мировой.

3

Мокрую гроздь багровеющих ягод
С темной рябиновой ветви сорву...
Воля Твоя, чтоб единственный за́ год
Раз
ощутил я, что снова живу,
Воля Твоя, что на бледной ладони
Иссиня-розовый сгусток огня,
Как бы не веря, что я посторонний,
Не обжигает, а – греет меня.

4

Все разыграно словно по нотам:
Одиночество, полутьма
И мелькнувшая за поворотом
Молодая, седая зима.
В это время просторней, просторней

Колыбельный небесный приют,
И, как будто из области горней,
Из-под облака птицы поют,
И последний, последний, багровый,
Трепеща на вечернем ветру,
Всё внушает мне снова и снова,
Что и я – не умру... не умру...

5

Подобна замершей заре,
Предзимья поздний гость,
Горит в прозрачном ноябре
Рябиновая гроздь.
В уже бестрепетном лесу
Над мертвою листвою
Не шелохнется на весу
Ее огонь живой.
И Божий мир пред ней открыт,
Пока – в лесной глуши –
Она одна
горит, горит
На доньшке души.

***

Точно в юности – ветрено... весело...
Пламенеющая кумачом,
Гроздь рябины отчаянно грезила
Непонятно о ком и о чем.
Неужели всего лишь иллюзия
Этот праздничный, легкий огонь?
...И решусь, и ладонью коснусь ее,
И в смятенье отдерну ладонь.

В ДОРОГЕ

1

Даже и в малом боясь календарный порядок
Чем-то нарушить (попробуй смени реквизит!),
Черною, мертвою зеленью лесопосадок
Эта земля из-под сизого снега сквозит.

Нет ей предела... И кажется, в этом вагоне,
Сколько б ни пялился в бледную бездну окна,
Темная графика веток на матовом фоне
Будет тебе до скончания века видна.
Желтый сигнал светофора – и снова, и снова
Лесозащитные полосы вдоль колеи,
И расстоянье от слова до встречного слова
В этом краю необъятней, чем сроки твои.

2

День-деньской в окне одно и то же:
Ельники под трубою рогожей
Пепельного снега... сосняки...
А за ними, в сером полумраке,
Полузанесенные овраги,
Деревень слепые огоньки,
И в железном рокоте состава
Слышен все отчетливее ржавый,
Грозный звук некрасовской тоски.

3

И рассвело не торопясь,
И смеркнется неторопливо...
Уже вечерняя зажглась
Звезда над елью молчаливой.
Небес голубоватый свет
Дрожа лежит на снежной кроне,
И каждой веточки секрет
Пред ними словно на ладони.

Я наблюдаю из-под век,
Как на январском полустанке
Вошли, отапывая снег,

Две молодые горожанки.
Садятся чуть наискосок
И просят чай у проводницы...
Еще какой-нибудь часок —
И перестанем сторониться,
И на пороге Рождества
За чаем, что не остывает,
Такие прозвучат слова,
Каких на свете не бывает.

Пауза 3.

Ночной перрон... нет ничего грустней
Во всей Вселенной, чем его деревья.
И молчаливый свет его огней
Все тянет нас то в небо, то в кочевье...

ПРОФИЛИ

...В мутной месяца изре...

А. С. Пушкин

1

Станция неподалеку —
За полночь гудки слышней...
Утоли мою тревогу
Поминаньем прошлых дней.
Только *бывшее* свободно,
Точно палая листва, —
Нам самим неподотчетна
Нашей памяти молва.

Потому-то, втайне мучась,
Ищем способа облечь
Бывшего немую участь
В осязательную речь,
Чтобы выпукло и твердо
За строкою и в строке
Проступило все, что стерто
Временем в черновике.

Тормозных колодок скрежет...
Мутно небо, ночь мутна...
В предрассветной дымке брезжит
Бестелесная луна,
И в сигнале электрички
Слышу памятью живой
Грохот чичиковской брички
По булыжной мостовой.

2

Петербург. 1773

А ну, рискните, рассекретьте,
Сердцебиения не выдав,
Позавчерашнее столетье
Дворцовых смут и фаворитов,
Век государевых поэтов
И государевых ученых,

Слагавших оды, отобедав,
О венценосцах просвещенных.

Век нарождавшихся журналов,
Святошества и святотатства,
Век деспотичных идеалов
Свободы, равенства и братства...
От Петербурга рокового
До лживых деревень Тавриды,
Как от Деяния до Слова,
Пути истории изрыты.

...А я все вижу крупным планом,
Как в лютой оренбургской стуже,
Пошатываясь, трактом санным
Бредут Гриневы и Хлопуши...

Поэты XVIII века

Что ни век – то век железный... А. Кушнер

...Нет выбора, и всякий век – железный:
Еще от пудры белы парики,
Но настужь отворившиеся бездны
И впрямь уже недалеки.
Уже в молчанье мертвенно-глубоком
Вознесся в небо диалог
Секретаря императрицы с Богом
О том, кто раб, о том, кто Бог.
И жизнь идет уже почти без правил,
Без обязательств и опор,
Как будто драму этой жизни ставил
Недоучившийся суфлер.
Потом, потом, потом поймет историк,
Спустя столетье или два,
Каких грамматик и каких риторик
В них переплавлены слова,
Какую пыль, давясь, они глотали,
Какой развеивали прах,
Какие слезы грозно остывали
У них на стиснутых губах...

3

Уваров

Ревностный служака Николаев,
Граф Сергей Семенович Уваров –
Не из либеральных краснобаев –

Из предотвратителей пожаров.
Он в конце концов отыщет слово
О народе, кесаре и Боге,
И смутьяны – хуже Пугачева –
Отвернут от гибельной дороги...
Был он, спору нет, необходимым
Более, чем Третье отделение...
А в Империи все тянет дымом...
Вспыхивает... тлеет в отдаленье...

4

Пушкин. 1830

На этот раз – не ссылка, а тюрьма:
Как в одиночке, в болдинском просторе...
Ах, нет в России горя от ума,
А только поздний ум – питомец горя.
За окнами – все тот же карантин
И та же мешковина небосвода...
За что ему – без видимых причин —
Дарована последняя свобода?
Поскрипыванье ветхих половиц, Наверное, слышней порою ранней... А в
памяти его так много лиц, Что сердцу тесно от воспоминаний. Иных уж нет,
а те, кто вдалеке – В горах Кавказа, в рудниках Сибири... О, только звук в его
черновике Их имена удерживает в мире.
А в будущем – еще одна тоска,
Еще одна тревога, счет которым
Уже и так утратил он, пока
Слух обращал к небесным разговорам,
Топил камин, о Натали мечтал,
Обдумывал трагедию Сальери...
И проповеди мужикам читал
О душном русском бунте и холере.

5

Тютчев. 1833

И статьи, и письма – по-французски,
Но потом, наедине с собой,
Не спастись ему от перегрузки
Русской речью, ставшею судьбой.
В мюнхенском ли тесном переулке
Или над туринской мостовой
Отзвуки ее страшны и гулки
В тишине пустыни мировой.
Языка мистическая сила,
На чужбине копенная впрок,

Слишком редко к небу возносила
Откровенья вынужденных строк,
Потому что нет извне опоры
И исход времен неотвратим,
Потому что каждый час, который
Прожит им, развеется как дым...
От приоткрывающихся истин
Целый мир пытаюсь уберечь,
Хочет он остаться бескорыстен
И в себе утаивает речь...

6

Чаадаев. 1837

Вот глаза прищурил Чаадаев:
Что вдали – чужбина иль тюрьма?..
Как посмел он, родину охаяв,
В этот век льстецов и негодяев
Выказать достоинство ума?
Этот доморощенный философ,
Будто бы и нет иных забот,
Не боясь опасных перекосов,
Слишком много задает вопросов,
Только – жаль – ответов не дает.
Незавидна участь ясновидца –
Господи, помилуй и спаси...
На Басманной, во второй столице,
Сядет географии учиться –
Нет наук важнее на Руси.

7

Башмачкин. 1841

Девятнадцатый век
отфильтрован столетьем двадцатым
И становится фабулой,
где, по прошествии лет,
Упростился вопрос
о чиновнике подслеповатом,
За конторкой встречающем
санкт-петербургский рассвет.
Ах, шинель прохудилась...
в присутствие боязно выйти,
Потому что замерзнешь,
когда не сгоришь со стыда...
И смерзаются буквы
в смиренном его алфавите –
Что поделать?
В империи нашей – опять холода...

Девятнадцатый век,
                  сострадая и нищим и сирым,
Не пенял переписчикам
                  важных казенных бумаг,
Не прощая значительным лицам,
                  прощал конвоирам,
Выводившим колодников
                  на безымянный большак.
О, когда бы он ведал,
                  какие найдутся Хароны –
Перевозчики душ
                  по стремнинам и льдам Колымы,
Как, набитые пушечным мясом,
                  пойдут эшелоны,
Как из адских газовен
                  потянутся в небо дымы...
Девятнадцатый век
                  отфильтрован столетьем двадцатым.
Но покуда еще не разгадан
                  последний сюжет,
Не исчерпан вопрос
                  о Башмачкине подслеповатом,
За конторкой встречающем
                  санкт-петербургский рассвет.

8

Фет. 1850

Западникам и славянофилам
Толковать о выборе пути
И с неистовым каким-то пылом
Диспуты журнальные вести.
От Петра Великого доныне,
Смысла не удерживая нить,
На кириллице и на латыни
          Совестить друг друга и срамить...
          Здесь – Грановский, Боткин, там – Аксаков,
          И Киреевский, и Хомяков...
          Этот спор, касающийся знаков,
          Столь же страстен, сколь и бестолков.
          Но обременителен и странен
          Для эпохи Афанасий Фет.
          Кто он – чужеземец? россиянин?
          Крепостник? юродивый? поэт?..

9

Вот опять просыпаюсь от смуты
и страха и слышу,
Как грохочет листва –
наподобье промерзших рубах,
Как колотится дождь головою о ржавую крышу –
О, как будто скрипит у Вселенной
песок на зубах.

Чем протяжней строка, тем, наверное,
ночи огромней,
Потому что едино дыхание живых на земле...
В эту пору не спят катакомбы и каменоломни
И погосты и пустоши глаз
не смыкают во мгле.

В эту пору, когда и слова сиротливо-безмолвней,
И углы мирозданья никем не сдаются внаем,
Мы, пока еще живы,
при свете таинственных молний
Грозовыми ночами друг друга
в лицо узнаем.

***

Двор подмету, в казенном гардеробе
Приму пальто и выдам номерок,
В автобусном салоне дребезжащем
Проверю, есть ли проездной билет
У женщины с печальными глазами —
Да мало ли занятий на земле?
Зачем же вслушиваться в разговоры
Тяжелых звезд и поездов ночных?
Зачем же всматриваться в очертанья
Цветка на замороженном стекле
И пестовать слова, еще не зная,
Какое станет тайной и судьбой?

ОСЕННИЕ ЭСКИЗЫ

1

В паутине осенних дождей
Этот сумрачный, призрачный город,
Каждый камень его площадей
Бормотанием капель поборот.

Я-то знаю: мосты и дома,
И фонтаны, и статуи в парке –
Целый мир ожидает письма
В самодельном конверте без марки.

Желтоватый фонарь во дворе
Все рассеянной в мороси этой,
И немыслима весть о заре
За единственный миг до рассвета.

2

Как будто из бронзы изваянный,
Каштановый лист на ветру
Под сумрачным небом окраины
Отсвечивает поутру.

Чернеют пустые скворечники,
И в низком оконце, горча,
В железном тяжелом подсвечнике
Чадит восковая свеча...

3

Бледный полдень. Черный грач
С фиолетовым отливом
Ходит с видом горделивым
Возле опустевших дач.

А в поселке – ни души,
Ни души в поселке дачном...
Продуваемом... прозрачном...
Зачиню карандаши,

Нарисую небо, дом
И грача на фоне грядок...
Не беда, что полдень краток, –
Будет память на потом.

4

Голубь под вечер из лужи
Цедит воду не спеша...
В эту пору
        глуше, глуше
Поздней осени душа.

Дождь постукивает, словно
Безучастный метроном,
За день потемнели бревна,
Сложенные под окном.

Ветки лип черны и тонки,
В прорезиненном плаще
Женщина идет к колонке
С коромыслом на плече...

5

В предзимний час неоткровеннее
В сыром бору береза-беженка,
Но выпал снег – и во мгновение
Забыты горести осенние,
И празднует преобразование
Она – красавица и неженка –
В рассветной дымке...

СНЕГ В ПРОВИНЦИИ

Матвею

1

...идет, идет... его наклон,
Как в детском почерке, неровен..
А в сумерках слышнее тишь...
И, сам собой ошеломлен,
Как немотой земли Бетховен,
Он засыпает скаты крыш
И выпуклости черных бревен...
И я молчу... и ты молчишь...
А ну-ка варезжки сними,
Чтоб снегом обожгло ладони.
Мы одиноки меж людьми,
Но не одни, на этом фоне
Ненарушимой тишины
Никто из нас не посторонний,
И замер куст в полупоклоне
Под игом хрупкой белизны...

2

Зима-проказница
В пуху морозном
По-детски дразнится
С тобой, серьезным.
Опять, притворщица,
Подстроит слякоть –
И тут же морщится,
И тут же плакать.
Но поднатужится –
И в самом деле
Под утро лужицы
Заледенели,
И все бессмыслицы,
Загадки, сказки
За нею числятся –
В единой связке.

3

Первый снежок,
Школьного мела белее,
Юной березке в аллее
Пальцы обжег,
Перебелил
Раннего утра страницы,
Чтобы к полудню пролиться
Струйкой чернил.

Пауза 4.

Выпал снег – и всё в намеке,
И тропинки в тесном дворике –
Как лирические строки,
Избегавшие риторики.

III. В КОНВЕРТЕ БЕЗ МАРОК

*О, как я понял вас: и вкрадчивость тепла,
И роскошь цветников, где проступает тленье...*

Иннокентий Анненский

***

– А что бывает после тишины?
– А после тишины бывает слово,
В котором что-то от былой вины,
Былой любви, предательства былого.
– А после слова – что бывает там?
– А в том краю, где слово исчезает,
Летает майский жук, цветет каштан,
И память, обескрылев, зависает...

***

Говори, говори, говори, ни на миг не смолкая,
О томительно-праздничной жизни —

опять и опять...

Потому, что единственна всякая повесть людская,
И не страшно, должно быть,

людские слова повторять.

Говори ни о чем: о сиреневом бешенстве мая,
О нечаянном сне, где урок в белизне февраля;
Говори, и сама-то себя не вполне понимая,
Что в безлунные ночи, как море, гремят тополя...

Говори, что любовь бескорыстна

как смерть, говори о

Том, что в ливне вечернем нежнее огни фонарей...

Лишь того, что о каждом из нас это

страшное в р и о,

Не скажи. Не распахивай настежь

последних дверей.

ГОЛОС

М.С.Г.

Вслепую – наугад –
Пересекая тьму,
Туда, где нет преград
Дыханью твоему,
Вдоль облака бежит
Печальный голос твой,
И облако дрожит
От спазмы горловой.
А в тех пределах, там,
Куда стремится он,
Певуч ночной фонтан,
Виолончелен клен,
И связкою шаров
Акаций влажный дым
Уже взлететь готов
За голосом твоим.
Возьми аккорд и пой,
Как волглая листва,
Для тех, кто быть собой
Не потерял права,
Кто знает тайну встреч,
Безмолвий и разлук, –
Протоколируй речь,
Импровизируй звук...

Как берег по волне,
По берегу волна,
Так по твоей струне
Тоскует тишина.

***

Как десять тысяч бабочек ночных,
О стекла бьются капли дождевые...
Мне кажется, ты слышишь их впервые,
А прежде и не ведала о них.
В часы, когда за окнами темно,
Темным-темно, как в глубине колодца,
Приотвори одно – свое – окно:
Пусть хотя б одна из них спасется.

СТРОКИ ГРОЗЫ

1

Сперва казалось, что большой грозы
Ночная тень над городом нависла,
И кто-то в небе повторял азы
О том, что бытие не знает смысла.

На протяженье часа или двух,
Оставшись одинешенек в природе,
Ночной тюльпан угадывал на слух
Фрагменты симфонических мелодий.

И было так тревожно за стеной
В медлительном безмолвии июня
Повествованье улицы ночной
О том, что не случилось накануне.

2

Хвоя в дожде отливает слепым серебром,
Где-то вдали напоследок прокатится гром
В сумраке раннем...
Хвойная ветка мерцает в покое сыром
Воспоминаньем.

Ветка еловая в настежь открытом окне...
Редкие капли, озвученные в тишине
И тишиною,
В час дорассветный ведут разговор обо мне
Или со мною.

После грозы отгремевшей простор не обжит...
Тонкая капля на хрупкой хвоинке дрожит
Не уставая,
И непонятно кому и о чем ворожит
Память живая...

3

Сперва – едва-едва,
Чуть слышно, по-домашнему
Над парками и пашнями
Прокатится молва.
Секунда или две –
И вот как неприкаянный
Уже бежит окраиной
И топчется в ботве.
Он весь простор земной
Тебе представит заново –
В обертке целлофановой,
В обложке слюдяной.

***

Сначала город огорошен
Раскатом грома... а потом
Мильоны ледяных горошин
Мерцают в сумраке густом.
И, ужасающе-наряден,
Еще, пожалуй, целый час
Зеленый куст в подсветке градин
Ничьих не восхищает глаз.

ТОПОЛИНЫЙ ЗАКАТ

1

Над нами бредят их вершины...

Ф. Т.

Бредят вершины, глядя на то, как
Пух тополиный медленно-легок.

В городе жарком, изжелта-сером
Веет над парком, веет над сквером...

И – надо мною, и – над тобою,
В лад с тишиною, вровень с судьбою.

2

Мои слова, как тополиный пух,
Почти не различаемы на слух,
Несказанные же нежнее во сто,
А может статься, во сто тысяч раз,
Чем этот летний снег, в закатный час
Легко твоих касающийся глаз,
К твоим ногам лежащийся так просто...

3

Тополиного пуху намело во дворе,
И ни слуху ни духу на вечерней заре,
В этот час благодати, полупризрачный час,
Обо всем, что некстати вспоминает о нас.
Как лелеют друг друга эти долгие дни!
Но об этом – ни звука, ради Бога – ни-ни!
Отвергая молчанье, где найду я слова,
Чтоб с тобою ночами говорила листва?
На свету небывалом, предвечернем свету
О великом и малом ты хранишь немоту,
Притворяясь пред всеми, что не знаешь о том,
Как свивается время в час заката жгутом.

4

Приравнивал тебя к морской
Мерцающей волне
И ревновал к тебе покой
Вечерних звезд в окне,
А ты, не зная ни о чем,
Не внемля ничему,
Была в судьбе моей лучом,
Превозмогавшим тьму.
Уже каштаны отцвели,
Сирени отцвели,
И, снявшись с якоря, ушли
За небо корабли,
Оттрепетали *да* и *нет*,
А прочие слова
За истеченьем зим и лет
Утратили права,
Но тополиный теплый пух
Тебе на склоне дня
Все то, что не сказал я вслух,
Дошепчет за меня.

***

Сырой листвой завалены газоны...
Вот женщина в пальто не по сезону
Замедлила шаги невдалеке,
И волосы ее подобны струям,
И каждый жест ее непредсказуем,
Как путь листа, идущего в пике.
Каштановый, рябиновый и снова
Каштановый дрожит над ней, как слово,
А ты утратил право на слова
И только можешь слушать, засыпая,
Как ночью на ветру дрожит сырая,
Наискосок шумящая листва...

Три стихотворения

1

Часовщик-самоучка,
        никак я не справлюсь с заказом,
И в упрямой работе
        никто мне не может помочь...
Над оранжевым клёном
        и над фонарем желтоглазым
Опускается ранняя ночь.
И настольную лампу зажгу,
        поудобнее сяду,
И тугое железо пружины
        пинцетом сожму,
И умру на мгновенье,
        прислушиваясь к листопаду,
Уносящему листья во тьму...

2

Ты шепнула: "Как плавлен и целен
Этот медленный мир в октябре –
Даже в небе не видно расщелин
На широкой вечерней заре...".

И в молчанье, пока еще длится
Этот настезь распахнутый час,
Как бы фотографируя лица,
Осень искоса смотрит на нас.

Над тобою, оранжево-светел,
Лист кленовый дрожит на ветру...
Ты шепнула – а я не ответил,
Потому что и я не умру...

3

Ты бóльшая осень, чем сам листопад.
На ветру в остывающем парке
Он пишет и пишет тебе наугад
И ничуть не боится помарки.

И каждый листок для него – черновой,
И как будто не верится даже,
Что может судьба притвориться листвою
В невесомом осеннем пейзаже.

Полнеба листом упадет к ногам...
Подними и, согрев на ладони,
На желтом кленовом прочти по слогам
Хоть строку из его космогоний.

***

На неразлинованном листе
Или разлинованном листе
Напишу тебе о высоте,
Нашепчу тебе о высоте,
Где и ангелы, и облака
Помнят о тебе наверняка.

В пустоте ночных больниц и рощ,
В немоте ночных больниц и рощ
Немощь трансформируется в мощь,
Пусть и на мгновение, но в мощь,
И на два десятка верст вокруг
В этот миг слышнее каждый звук.

Вот и слушай, не смыкая глаз,
Вот и слушай, как в последний раз,
То ли в поздний, то ли в ранний час,
То ли в ранний, то ли в поздний час,
Как тяжелый ливень за стеной
Бьет о подоконник жестяной.

И при свете в два десятка ватт,
Прикроватном свете в двадцать ватт
Разбирайся, прав ли, виноват,
Добивайся, прав иль виноват
Тот, кто на каштановом листе
Нашептал тебе о высоте.

***

Снег летит, заглядывает в окна,
Бесшабашный, в форточки влетает...
Перед снегом множество дорог, но
Разве может знать он, где растает?

Он заглянет и к тебе, на пятый,
Чуть помедлит на твоём балконе
И, доверясь участи крылатой,
Тихо-тихо ляжет на ладони.

Влажное его прикосновенье
Не оставит и следа на коже,
Но зато – навек и на мгновенье –
Станешь ты волшебнее и строже.

***

В час январского заката
Просияют пред тобой
Нежно-желтый, голубой,
Бирюзовый, розоватый,
И оранжево-седой,
И зеленовато-синий
В чистоте воздушных линий
Распахнутся над тобой,
Словно все цвета земли,
Отбоярившись от плоти,
В мировом круговороте
Прямо на небо взошли...

***

Любовь сочиненная – это рисунок ребенка,
Где круглое красное солнце
и домик с трубой,
А шторы раздвинешь – строительный кран
и щебенка
И в бледном задымленном небе вороний
разбой.

Любовь безответная —
это листок календарный,
Задание на дом, чужая приписка в письме...
А в час дорассветный – не спится! —
товарный, товарный,
Товарный, товарный скрежещет
на стыках во тьме...

***

На расстоянье в тысячу шагов,
Стремясь к развязке и боясь развязки,
Она живет на фоне облаков,
Играет в прятки и меняет маски,
Еще не сознавая, может быть,
Того, что я могу ее любить.

Она не одинока... Боже мой,
Такие не бывают одиноки...
И вечером, когда придет домой,
Кого-нибудь целуя на пороге,
Она не вспоминает, может быть,
О том, что я могу ее любить.

И сын ее ухожен и смышлен,
И быт ее налажен и надежен,
Ночной порою законный клен
Внушает ей, что наш союз возможен,
Но в то, что я могу ее любить,
Она боится верить, может быть.

Ей нелегко, наверное, со мной,
Но без меня, я знаю, тяжелее...
Уже и тополиный пух сквозной
Июньским утром выметен с аллеи...
Когда-нибудь поверит, может быть,
Что я и вправду мог ее любить.

***

Меж кистью сирени серебряно-синей
И темно-оранжевой гроздью рябины
То пух тополиный мерцает, как иней,
То иней мерцает, как пух тополиный.

От кисти сиреневой в пене рассветной
До грозди рябиновой в дымке закатной
И жизнь пролетает – почти неприметна
И все-таки, в главном, почти необъятна.

Тебе говорил я об этом. И снова
Ларец мирозданья открою тебе я,
Пред алою гроздью и кистью лиловой
Почти не робея, почти не робея.

***

Пой, Марина!
Точно в Лету, в мелодию канув,
Говори на
Языке цветников и фонтанов,
Снов и былей,
Откровений, скорбей и викторий,
И флотилий
Облаков в предвечернем просторе.
Жизни длинной
Обо мне и почти уже мною
Пой, Марина,
Словно долгое море ночное,
Пой, покуда
Город видится повестью летней,
Пой, как будто
В целом мире поешь ты последней...
И навстречу
Этой песне из мрака шагну я,
Ей отвечу
И к стихии тебя приревную.

1

Пламенеющий
    над волной –
Леденеющей,
    ледяной,
Куст ракитовый,
    золотой,
Не испытывай
    немотой.
В час предутренний,
    где окрест
Целомудренной
    каждый жест,
Над бездонною
    глубиной
Тихо трону я
    лист резной.
Куст ракитовый,
    тех, кто жив,
Не испытывай
    на разрыв,
По-над речкою
    до зари
Желтой свечкою
    погори...
С ветки содранный,
    лист в крови...
Свет ли родины?
    След любви?

2

Я устал тебя не видеть
И с тобой не говорить,
Я боюсь тебя обидеть,
Что обидеть – укорить...
Ты же знаешь: не стараньем,
А виною в поздний час
И великим расстояньем
Судьбы держатся у нас...
Так зачем, не утихая,
Маясь на ночном свету,
Еретичка городская,
Ива рвется в высоту?..

Пауза 5.

Полупрозрачный дождь в листве весенней
Вечернею зарей заворожен
И полон мимолетных обобщений
О том, чему не подобрать имён...

СТРИЖИ

Нет сил никаких у вечерних стрижей...

Борис Пастернак

1

Человек в неглаженной пижаме
Наблюдает, выйдя на балкон,
За молниеносными стрижами
В побледневшем небе городском.

После ливня воздух полон вмятин
И от счастья ошалел жасмин...
Ход времен сперва невероятен,
А уже потом необъясним.

А стрижи снуют в закатном свете
И над перекрестками дорог
Всё мешают в радостном сюжете
Затянуть на память узелок.

2

Зачем, душа моя, глядишь
Во все глаза на то, как
В закатном небе вольный стриж
Неутомим и легок?
Неужто нет тебе забот
Иных на свете белом,
Чем созерцать его полет
В просторе оробелом?
Правей, левей, левей, правей,
Наискосок и прямо –
На фоне солнца и ветвей
Твоя кардиограмма...

ПОЭЗИЯ

Простодушней, чем ситчик
Предвоенных времен,
Не имеет ни кличек,
Ни законных имен.
На дворе постоялом
Не снимает угла,
Под худым одеялом
Не находит тепла.
И живет, бедолажка,
Отзываясь на зов
Всех вздыхающих тяжело
Голосов и часов,
В небе галок считает,
По руке ворожит,
На ромашке гадает
И под сердцем дрожит.

***

Как жили в заколдованной стране:
Дышали гарью на сырых вокзалах,
Не ждали писем, плакали во сне
И осуждали нищих и усталых,

О жизни, уходящей в темноту,
Ночной перрон, мерцающий лилово,
И человек, стоящий на мосту,
Уже не в силах вымолвить ни слова.

И только автор популярных книг
Перо стальное обмакнет в чернила
И, выдав мемуары за дневник,
Солжет всему, что не было и было.

***

Даже если душа онемела, не сто́ит
Горевать об утрате... Настанет пора –
И откроется слову, и слово откроет
Не такое,

    каким его знала вчера.

Нет, ее немота не бывает напрасна,
По единственной в мире дороге пройдя,
В час вечерний она еще станет согласна
С литургией листвы и молитвой дождя.
И чем дольше живу я, тем выше и выше –
Не достанешь и взглядом – небесная синь,
А черта горизонта –
    все ближе и ближе,
И все горше набухшая влагой полынь...